

Оглавление

Каникулы композитора	9
Пансионат для композитора	11
«Морской»	15
Поезд	18
Балкон	22
Просто прелесть	24
Лабрадор	28
И снова лабрадор	32
И еще лабрадор	38
Клад	41
Папа пишет колыбельную	44
Папа дает первый концерт	48
Доброе утро	53
Плохая погода	56
Папа теряет лицо	60
Открытка	66
Флажки и ленточки	69

Шлем от сканфандра	75
Папа становится доктором	80
«На дымоходе в шахматы играют».	84
Шипы и розы	87
I want to break trees!	94
Осьминог	97
Страдающая виолончель	101
Девичьи слезы	105
Улыбка	108
Улики	111
Как бороться со злом	115
Дебюсси	118
Шляпы	121
Теорема	126
Страшный хруст	132
Поединок	137
Важные вопросы	142
И еще про вопросы	146
Ужин и молнии	149
Серьезный суп	152
Ноты — всем	158
Капитан не корабля	162
Всех спасет музыка	165
Что случилось потом	168

Каникулы Композитора

Всё началось в июне. Это был один из первых теплых летних дней. Свет в гостиной еще не горел. Окно довольно шурилось на закатном солнце. Шторы покачивались от сквозняка. Я почувствовала: в комнате спрятались *хорошие новости*.

Оставив в коридоре рюкзак с танцевальной формой, я забралась в папино кресло. Устроилась поудобнее и принялась ждать, когда новости покажутся. Наконец они выглянули из-за двери, а вместе с ними появилась мама. Улыбаясь, она сказала: «Мы едем на море!»

Мы едем на море! Вы слышали? Таких хороших новостей в нашем доме не было целый год!

Обычно, едва услышав о море, я достаю из-под кровати свой чемодан. Складываю туда секреты, которые нельзя положить в большой чемодан родителей: коробку для ракушек, маленький фотоаппарат, дневник. И еще специальное морское кольцо с большим камнем — им я люблюсь под водой, когда плаваю. Мне кажется, оно привлекает хорошую погоду.

И вот в нашем доме начался щекотный и жужжащий процесс. С антресолей, словно лавины с гор, спускались чемоданы. Папа нырял в кладовку то за ластами, то за маской. А мама взяла «Курортную газету» и стала искать подходящее место для отдыха.

Пансионат для Композитора

Всю следующую неделю по вечерам и в обеденный перерыв мама не выпускала из рук телефон. В «Курортной газете» очень много объявлений о квартирах, отелях, пансионатах, санаториях и домиках у моря.

**УЮТНЫЙ ШАТЕР У МОРЯ
С ПЛОЩАДКОЙ ДЛЯ КОСТРА**

**ДВУХКОМНАТНАЯ КВАРТИРА
С ВИДОМ НА ДОРОГУ К ПЛЯЖУ**

**ПАНСИОН У ТЕТИ ВИОЛЕТТЫ ДОМА:
ГОРЯЧАЯ ВОДА, ДОМАШНИЕ КОТЛЕТЫ,
ПЛЕТЕННЫЕ КОВРИКИ**

**САНАТОРИЙ «СКАЗКА»:
ТЕННИСНЫЙ КОРТ, ЛЕТНЯЯ ШКОЛА
И СОБСТВЕННЫЙ ПЛЯЖ**

**ОТЕЛЬ «МАРИЯ» С РЕСТОРАНОМ.
В МЕНЮ ВСЕГДА СВЕЖАЯ РЫБА!**

ПАНСИОНАТ «ГАГРЫ» В ГАГРАХ

**ГОСТЕВОЙ ДОМ «АНАТОЛИЙ»:
ПАРКОВКА ДЛЯ АВТОМОБИЛЯ И ПЛАВАТЕЛЬНОГО
МАТРАСА ПРИ БРОНИРОВАНИИ ОТ 10 ДНЕЙ**

**ГОСТИНИЦА «ЛЕТО»: ТРЕХРАЗОВОЕ ПИТАНИЕ
И НАДУВНОЙ БАССЕЙН**

Мама с папой подходили к планированию отпуска очень серьезно. Кроме расстояния до пляжа, чистоты, хорошей еды и красивой территории, их интересовало еще и фортепиано. Или пианино. Или фортепиано и пианино. В актовом зале, холле, музыкальной комнате. В крайнем случае — в соседнем отеле. Или у местных музыкантов. Папе был нужен инструмент, чтобы не прерывать работу даже в отпуске.

«Курортная газета» согласно кивала и задумчиво морщила строчки.

Мама, закинув ногу на ногу, звонила по объявлениям, обведенным карандашом. Вид у нее был очень

деловой. Как будто ей отвечали не администраторы пансионата «Мечта» или дома отдыха «Камелия», а капитаны секретной подводной лодки.

— Алло, это подлодка?

— Бульк-бульк... Да! Капитан первого ранга Субмаринин слушает!

— Это Алла Михайловна. У вас на подлодке есть фортепиано?

— Бульк-бульк... У нас имеются тромбон, треугольник и барабан. Подойдет?

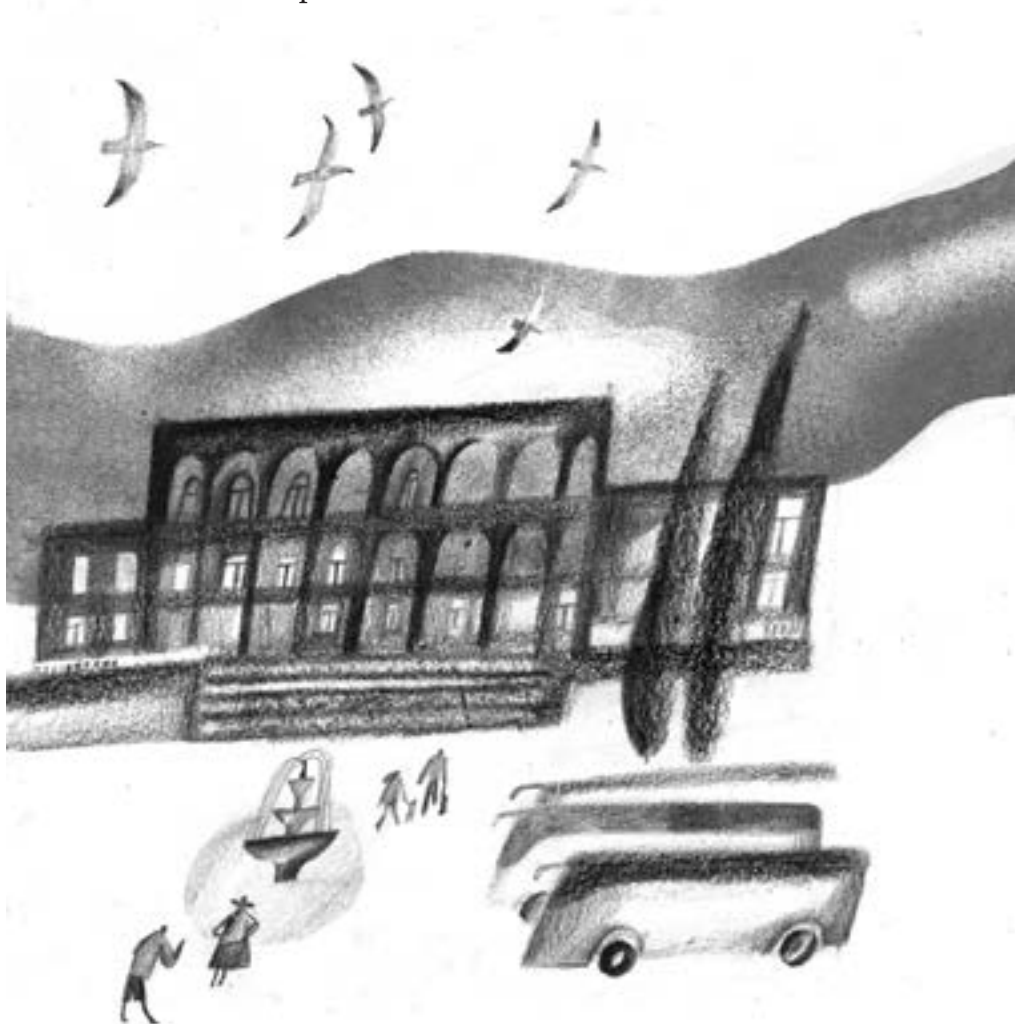
— Нет... Может быть, на соседнем авианосце найдется пианино?

— Бульк-бульк, Алла Михайловна! Выясним. Перезвоните нам завтра. Кладу трубку, уходим на дно.

Карандаш стучал по бумаге, как барабанная палочка. Мама делала в газете пометки: «перезвонить на следующий день», «старый рояль (расстроенный)», «ради папы привезут инструмент из дома».

Пару раз маме предложили взять пианино с собой. В одном санатории обещали открыть заброшенный корпус и стереть пыль со старого клавесина. Многие отвечали, что есть детское игрушечное фортепиано, что дочка бросила музыкальную школу и что могут достать аккордеон.

«Я буду сочинять музыку для хора “Волна” в сопровождении барабана, сломанной гитары и жестяного таза!» — смеялся папа и звонко стучал ложкой по кастрюле. Мама делала глубокий вдох и снова крутила прозрачный диск, хватаящий ее за пальцы. «Алло! Это отель “Прибрежная чайка”? А есть ли в вашем актовом зале рояль?»

✕ «Морской»

В прихожей на тумбочке с обувью стояла особенная вазочка. В нее складывали то, что не должно потеряться. Маленький фонарик на случай, если отключат свет. Швейцарский нож, чтобы открывать все, что закрылось. Тюбик суперклея — вы наверняка вспомните пару случаев, когда он вам пригодился. Ключик от почтового ящика.

Проверять почту — это моя обязанность, еще с прошлого года. По средам и пятницам я открывала скрипучую дверцу. И представляла себя то сотрудницей банка, то секретарем консерватории, то генеральским адъютантом, который принимает

корреспонденцию и несет в кабинет стопку важных конвертов и папок. В ящике могло появиться что угодно. Газеты и открытка «известному композитору» из Тулы. Мамин глянцевый журнал, сияющий улыбками актрис и фотомоделей. Пара сонных пухлых конвертов. Или уведомление о посылке, которую собрали для всех нас где-то далеко.

И вот вчера за металлической дверцей с номером 52 оказалось письмо. Белый уголок торчал из прорези, и я легко вытянула его двумя пальцами. Даже не пришлось бежать наверх за ключом. Конверт, весь в марках и печатях, был толстым. В него будто положили сразу несколько открыток. Важные округлые буквы гласили: «От И. А. Плёнкина».

Вообще, письма нам приходили довольно часто, особенно после папиных гастролей или выступлений на радио и телевидении. Но они были обычными. А от этого письма веяло *приключением*.

Дома папа вскрыл конверт и достал из него фотографии пляжа, гостиничного номера и фойе с роялем. Он довольно потирал руки и поглядывал на маму. Пансионат «Морской» приглашал папу в резиденцию для людей искусства. Обещали лучший номер с видом на море, балконом, огромными окнами, ванной и зеркальным столиком. К обещанию прилагались две просьбы: о концерте и о творческой встрече с директором пансионата.

Мама в «Морской» еще не звонила. Зато папа слышал о нем в консерватории и был очень рад, что они сами ему написали. Вот только как там узнали, что мы собираемся в отпуск?

На одном из снимков прекрасный рояль «Ямаша» улыбался во все пятьдесят два белых зуба. От идеальной лакированной крышки пучком отражались солнечные лучи.

— А еще там есть салон красоты и кинотеатр. — Мама положила перед папой фотографию аппарата для сушки волос. Таким жестом наш математик передвигал ферзя, объявляя «шах и мат» учителю биологии во время поездок на олимпиады.

Папа засмеялся: он обязательно сделает в «Морском» укладку. Прямо перед концертом.

Я бы на это посмотрела! (Напомню, что у моего папы лысина.)

Поэзия

Следующие десять дней пронеслись, как чайки над пляжем.

Каждый день я разбирала и снова собирала чемодан, просила маму послушать прогноз погоды на море и показывала подружкам во дворе фотографии пансионата.

Папа много работал.

По вечерам они с мамой прогуливались. Вокруг кружились тополиный пух, густой запах подувядшей сирени и папины мысли. Папа ел эскимо и *волновался*. «Понимаешь, с тех пор как я стал композитором, я ни разу не был в отпуске. А вдруг я так расслаблюсь, что потеряю форму?» — говорил он.

Мама целовала папу в нос и гладила по руке. «Тебе нужно отдохнуть... И подстричься».

Седьмого июля, в пятницу, мы положили в багажник такси три больших маминых чемодана, взяли в салон мой маленький чемодан и папин саквояж — и помахали рукой окнам квартиры. Папа тревожно прижимал к себе кожаную папку с нотами. В поезде он уселся с ней у окна и наконец успокоился.

Я залезла на верхнюю полку. Мы ехали в отдельном купе, и я могла перепрыгивать с одной полки на другую, словно мартышка с ветки на ветку. Мама ушла за чаем и ужином в вагон-ресторан. Папа закрыл глаза и, подперев голову руками, что-то мурлыкал.

— Ты слышишь? — спросил он.

Я слышала много всего. Но что именно слышал папа?

— Стук колес. Совсем как метроном. Такая простая бесконечная музыка.

«Раз-два-три» — стучали колеса, как будто билось сердце поезда. Папа достал из папки ноты и начал что-то записывать. К стуку добавились шелест бумаги и вздохи композитора.

Дверь открылась, и в купе, обгоняя проводницу и маму, вплыл поднос. Густые кудри пара вились над стаканами чая в гордых подстаканниках. Подмигивала хрусталем вазочка с тушеными баклажанами. Дышала теплом большая тарелка риса для папы. Свежо вздыхали нарезанные огурцы и помидоры. Тонко намекало о себе печенье с апельсиновым джемом и шоколадом.